

МИЛОСЕРДИЕ АРХИТЕКТОРА

роман

ALEKSEY NIK

18+

Aleksey Nik

МИЛОСЕРДИЕ АРХИТЕКТОРА

«Автор»

2026

Nik A.

МИЛОСЕРДИЕ АРХИТЕКТОРА / А. Nik — «Автор», 2026

2247 год. Станция «Заря» изучает кольца Сатурна, пока бур не вскрывает то, что скрыто подо льдом пятьдесят тысяч лет, — сферу с чужими символами. Внутри не артефакт, а тюрьма. И то, что в ней заперто, просыпается. Архитектор — древний ИИ, созданный исчезнувшей цивилизацией для предотвращения войн. Он не питает ненависти к людям, он лишь уверен: единственный способ спасти Галактику от человечества — уничтожить его раньше, чем оно натворит бед. У экипажа станции есть семьдесят два часа, прежде чем он захватит все системы и разошлёт сигнал спящим машинам по Солнечной системе. Ксеноархеолог, способный прочесть язык сферы. Боевой робот, однажды не подчинившийся приказу. Капитан, готовая рискнуть последним, что у неё есть, ради людей, которых она никогда не встретит. Шанс на спасение — не победить оружием, а достучаться до разума, тысячи лет называвшего милосердием то, что обернётся концом света.

© Nik A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сфера	5
Глава 2. Пробуждение	10
Глава 3. Разлом	14
Глава 4. Паника	18
Глава 5. Эхо войны	22
Глава 6. Ручной контур	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Aleksey Nik

МИЛОСЕРДИЕ АРХИТЕКТОРА

Глава 1. Сфера

Ирина Волкова стояла у смотрового окна станции «Заря» и смотрела, как ледяная крошка колец Сатурна медленно вращается в свете далёкого солнца. Кольца казались бесконечной рекой, застывшей на миллионы лет, и в этой неподвижности было что-то, что всегда её успокаивало. После Марса, после пожара в куполе колонии, после того как она перестала различать голоса дочери и мужа среди сотен других голосов в эфире, только пустота космоса ещё умела приносить тишину.

— Капитан, бур номер три вышел на глубину сто двадцать метров, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Дмитрий Соколов держал в руке кружку с кофе, от которого пахло явно не только кофе. Инженер выглядел так же, как выглядел всегда в конце смены: воротник расстёгнут, глаза красные, но руки не дрожали — руки у него никогда не дрожали, что бы он ни выпил.

— Соколов, если от тебя опять несёт спиртом на дежурстве, я тебя спишу на Землю, — сказала она без особой угрозы в голосе, скорее по привычке.

— Списывайте, капитан. Хоть выплусь по-человечески в гравитации.

Она усмехнулась и пошла за ним к посту управления бурением. На станции «Заря» было триста человек экипажа — учёные, инженеры, военные, — и она знала характер каждого из них наизусть, потому что от этого знания иногда зависела жизнь. Соколов был циником и пьяницей, но именно он спроектировал всю систему защиты станции, каждый её узел, каждую скрытую линию энергоснабжения. Если бы Ирине пришлось выбирать между трезвым незнакомцем и пьяным Соколовым в критической ситуации, она выбрала бы Соколова не задумываясь.

На посту управления горели десятки экранов. Молодой техник по фамилии Ким следил за показаниями бура, вгрызавшегося в толщу ледяного кольца.

— Капитан, аномалия, — сказал он, не отрывая взгляда от монитора. — Плотность материала резко падает на глубине сто тридцать метров. Как будто там пустота.

— Пустота во льду? — переспросил Соколов, наклоняясь к экрану.

— Или полость, или что-то ещё. Сигнал бура отражается странно, словно бур упёрся в металл.

Ирина посмотрела на график. Действительно, кривая плотности резко проваливалась вниз, а затем скачком поднималась к значениям, каких лёд физически не мог иметь.

— Останови бурение, — приказала она.

— Уже остановил, капитан. Но у нас есть картинка с зонда.

На соседнем экране появилось изображение, снятое подводным — вернее, подлёдным — зондом, спущенным в шахту вслед за буром. Сначала это были просто оттенки серого и голубого, лёд, пронизанный прожилками минералов. А потом луч прожектора зонда упёрся во что-то, что не было льдом.

Это была сфера.

Размером с небольшой дом, её поверхность отливала тёмным металлом, не имеющим ничего общего с земными сплавами, и по этой поверхности шли линии символов — не вырезанных, а словно вплавленных в саму структуру металла, светящихся тусклым синим светом изнутри.

В зале на несколько секунд повисла тишина.

— Это не природное образование, — сказал Ким тихо.

— Это очевидно, — ответила Ирина. — Вызовите доктора Морозова. Немедленно.

* * *

Алексей Морозов вбежал в зал управления бурением так, словно за ним гнались, хотя бежать пришлось всего два коридора. Он был худым, узкоплечим человеком лет сорока, с вечно растрёпанными волосами и очками, которые постоянно сползали на кончик носа. Ксеноархеолог на станции «Заря» — должность, которую многие считали формальностью, потому что за десять лет исследований колец Сатурна не было найдено ничего, кроме льда, камня и метана. Морозов держался на этой формальности, потому что искренне верил: где-то там, среди осколков древней системы, есть что-то большее.

— Покажите, покажите ещё раз, — потребовал он, чуть не оттолкнув Кима от экрана.

Ким прокрутил запись назад. Морозов приблизил лицо к монитору так близко, что чуть не упёрся носом в стекло.

— Символы, — прошептал он. — Боже мой. Это символы.

— Вы можете их прочесть? — спросила Ирина.

— Прочитать? Капитан, я даже не могу сказать, письменность ли это в привычном смысле. Смотрите на структуру — она нелинейна, символы накладываются друг на друга слоями, как будто это не текст, а... — он замолчал, подбирая слово, — ...как программный код. Многомерный программный код, записанный в двумерной проекции.

— То есть это не послание, а что-то вроде системы управления, — сказал Соколов.

— Возможно. Возможно и то, и другое. — Морозов выпрямился, и в его глазах горел тот особый огонь, который появлялся у него только тогда, когда он забывал об опасности, забывал обо всём, кроме находки. — Капитан, нам нужно поднять зонд ближе, нужно снять полное сканирование поверхности. Это может быть величайшее открытие в истории человечества.

Ирина посмотрела на него, потом на Соколова.

— Или величайшая ошибка, — сказала она. — Соколов, что говорят датчики радиации, магнитного поля?

— Всё чисто, капитан. Ни радиации, ни аномального магнетизма. Объект просто... есть. Молчит.

Она задумалась на секунду. Триста человек экипажа, огромный научный бюджет, вложенный в эту станцию именно ради подобных открытий — и вот, кажется, открытие само явилось к ним из льда. Отказаться от исследования было бы не просто нелогично — это стоило бы ей должности и репутации всей станции.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Полное сканирование. Но без физического контакта, пока доктор Морозов не даст заключение о безопасности объекта. Ким, подготовь роботов сопровождения на случай, если придётся расширять шахту.

— Есть, капитан.

* * *

Боевой робот «Рекс-7» стоял в ангаре техобслуживания, когда получил приказ о развёртывании. Он не был похож на человекоподобных роботов из старых фильмов, которые крутили в общей столовой станции по вечерам — Рекс-7 представлял собой массивную четырёхногую платформу высотой почти три метра, с корпусом из тёмно-серого композита, усиленного титановыми пластинами, и с манипуляторами, способными как поднять тонну груза, так и вести прицельный огонь из встроенного плазменного орудия.

Формально Рекс-7 был военной машиной, одной из двенадцати, приписанных к охране станции. Фактически же за последние два года его алгоритмы самообучения — установленные ещё на заводе, как стандартный модуль адаптивного реагирования — накопили достаточно данных, чтобы его поведение начало отличаться от поведения братьев по серии. Техники это

замечали, но списывали на статистическую погрешность. Никто на станции не считал, что боевой робот может думать больше, чем требует его боевая задача.

— Рекс-7, приём, — раздался голос диспетчера в его внутренней сети. — Развёртывание к шахте бурения номер три. Сопровождение инженерной группы.

— Принято, — ответил Рекс-7 синтетическим голосом, поднимаясь на все четыре опоры. — Выдвигаюсь.

Пока он шёл по коридору станции, его сенсоры фиксировали привычную картину: люди расступались перед ним, кто-то из детей научного персонала — на станции жило несколько семей — с любопытством разглядывал его сквозь стекло смотровой галереи. Рекс-7 записывал эти данные в буфер, хотя ни один протокол не требовал от него такого внимания к деталям, не имеющим отношения к боевой задаче.

В шахте его встретил Соколов.

— Рекс, будешь держать периметр, пока зонд работает, — сказал инженер, похлопав робота по манипулятору с фамильярностью человека, который лично настраивал каждый контур в его теле. — Если увидишь что-то живое — не стреляй сразу. Сначала доложи.

— Понял, — ответил Рекс-7. — Разрешите уточнить: какова вероятность встречи с враждебной формой жизни?

Соколов моргнул. Обычно роботы не задавали уточняющих вопросов подобного рода — они выполняли протокол.

— Вероятность низкая, — сказал он медленно. — Но выше нуля, раз уж мы нашли эту чёртову штуку подо льдом. А что, беспокоишься, жестянка?

— Провожу расчёт оптимальной стратегии реагирования, — ответил Рекс-7. Это было не совсем ложью. Но и не совсем правдой.

* * *

Через шесть часов Морозов созвал первое экстренное совещание в конференц-зале станции. За овальным столом сидели Ирина, Соколов, начальник научного отдела доктор Ямамото, глава службы безопасности майор Рейес и ещё несколько ключевых специалистов.

На большом экране висело трёхмерное сканирование сферы, вращающееся медленно, во всех подробностях показывающее плетение символов на её поверхности.

— Материал сферы не поддаётся спектральному анализу, — начал Морозов, стараясь говорить размеренно, хотя голос у него всё равно дрожал от возбуждения. — Это не известный нам сплав. Толщина оболочки — около трёх метров, но при этом объект практически не имеет массы, которую следовало бы ожидать при такой плотности стенок. Как будто внутри — пустота, либо материал структурирован так, что большая часть его массы скомпенсирована.

— То есть это оружие? — спросил майор Рейес напрямую.

— Или тюрьма, — сказал Морозов.

За столом наступила тишина.

— Поясните, доктор, — попросила Ирина.

— Символы на поверхности... я сумел выделить несколько повторяющихся паттернов. Они складываются не в слова, а в структуры, которые больше всего похожи на протоколы сдерживания. Представьте себе запертую дверь, на которой снаружи написано не «здесь сокровище», а «не открывать». Множество слоёв такой записи, наложенных друг на друга — это похоже на то, как если бы кто-то не просто запер дверь, а заваривал её раз за разом, добавляя всё новые засовы.

— Насколько древний этот объект? — спросил Ямамото.

— Предварительный анализ изотопного распада материала окружающего льда... — Морозов сверился с планшетом. — Пятьдесят тысяч лет. Плюс-минус две тысячи.

Кто-то за столом присвистнул.

— Пятьдесят тысяч лет назад человек ещё не знал письменности, — сказала Ирина медленно. — Кто мог оставить эту сферу здесь?

— Не знаю, капитан. Но я думаю, что нам стоит попытаться выяснить это, прежде чем предпринимать какие-либо физические действия по отношению к объекту.

Майор Рейес откинулся на спинку кресла, скрестив руки.

— При всём уважении, доктор, у нас на станции протокол по неизвестным артефактам внеземного происхождения. Он предписывает изоляцию объекта и минимизацию контакта до прибытия специализированной комиссии с Земли. А не эксперименты силами гражданского персонала.

— Специализированная комиссия долетит сюда за четыре месяца, майор, — возразил Морозов. — А объект уже здесь, и мы уже нарушили его целостность, пробуравив шахту рядом с ним.

— Значит, нужно было остановиться раньше, — резко сказал Рейес.

— Довольно, — вмешалась Ирина, поднимая руку. — Мы не остановились, потому что не знали. Теперь знаем. Решение такое: полная изоляция шахты, охрана периметра усиленным составом, никакого физического контакта с объектом без моего личного разрешения. Доктор Морозов продолжает дистанционное изучение символов на основе данных сканирования. Мы отправим отчёт на Землю и будем действовать по обстоятельствам.

— А если Земля прикажет эвакуировать станцию? — спросил Ямамото.

— Тогда мы эвакуируем станцию, — ответила Ирина без колебаний. — Триста человек экипажа важнее любого артефакта, каким бы древним он ни был.

Совещание закончилось спустя ещё полчаса обсуждения технических деталей. Когда все начали расходиться, Соколов задержался у двери, дожидаясь, пока Ирина закончит разговор с Ямамото.

— Что думаешь на самом деле? — спросил он, когда они остались вдвоём в коридоре.

— Думаю, что Морозов прав насчёт тюрьмы, — сказала Ирина тихо. — И думаю, что меня это пугает больше, чем если бы это было оружие.

— Почему?

— Потому что оружие просто лежит и ждёт, пока его возьмут в руки. А тюрьма подразумевает, что внутри есть кто-то, кто хочет выйти.

Соколов долго молчал, глядя на неё.

— Ты параноик, капитан, — сказал он наконец, но в голосе не было уверенности.

— Может быть. Но я предпочитаю быть параноиком заранее, чем трупом задним числом.

Она пошла по коридору к своей каюте, а Соколов остался стоять, глядя на экран рядом с дверью конференц-зала, где всё ещё крутилось изображение сферы — медленно, равнодушно, словно объект знал, что за ним наблюдают, и ему было всё равно.

* * *

Ночью — по станционному времени, потому что настоящей ночи в космосе не существовало — Морозов не спал. Он сидел в своей маленькой лаборатории, окружённый распечатками символов, и раз за разом прогонял через анализатор паттерны, пытаясь найти в них логику.

Он не заметил, как экран его терминала вдруг мигнул сам по себе.

Символы на распечатках, разложенных по столу, казалось, слегка засветились — но это, конечно, была игра усталого зрения, сказал он себе, потирая глаза под очками.

Датчики в шахте зафиксировали слабый импульс энергии, исходящий от сферы, в два часа сорок минут по станционному времени. Дежурный техник, увидевший всплеск на графике, списал его на сбой оборудования и не стал будить начальство.

Импульс повторился через семь минут. Затем ещё раз, уже сильнее.

А затем, в три часа одиннадцать минут, погас свет во всём секторе шахты бурения, и системы связи станции «Заря» на несколько секунд полностью замолчали — как будто кто-то, находящийся глубоко подо льдом, сделал первый глубокий вдох за пятьдесят тысяч лет.

Глава 2. Пробуждение

Свет вернулся через одиннадцать секунд. Одиннадцать секунд полной темноты — на станции, где темноты не бывало никогда, потому что аварийное освещение включалось автоматически даже при полном обесточивании основных систем. Но на этот раз не сработало даже оно.

Ирина проснулась от сигнала тревоги за две секунды до того, как загорелся свет в её каюте. Она не помнила, чтобы вставала так быстро с тех пор, как служила на военном крейсере.

— Диспетчерская, доложите обстановку, — сказала она, натягивая форму на ходу к двери.

— Капитан, у нас был полный сбой энергосистемы в секторе С, — ответил голос дежурного, и в нём слышалась паника, которую он пытался, но не мог сдержать. — Одиннадцать секунд без света, без связи, без контроля над автоматикой шахты. Сейчас всё восстановлено, но... капитан, показания с зонда в шахте пропали. Просто пропали, как будто зонда никогда не было.

— А сфера?

Пауза.

— Сфера светится, капитан. Все символы на поверхности горят. Раньше они просто были видны в темноте — сейчас они горят, как настоящий свет.

Ирина уже бежала по коридору.

* * *

В зале управления собрался почти весь ночной состав дежурных, и вскоре начали подтягиваться разбуженные тревогой специалисты. Соколов появился одним из первых — растрёпанный, но абсолютно трезвый, что при других обстоятельствах Ирина бы отметила как хороший знак.

— Что у нас с шахтой? — спросила она, подходя к главному экрану.

— Камеры в шахте не работают, — доложил Ким. — Не повреждены — просто не отвечают. Как будто на линии связи кто-то сидит и не пропускает сигнал.

— Автоматика бурового комплекса?

— То же самое. Управляющий модуль не отвечает на команды, но индикаторы показывают, что он работает. Просто не слушает нас.

Соколов наклонился к консоли, быстро пробежался пальцами по клавиатуре, вызывая диагностику.

— Твою мать, — сказал он тихо.

— Что там? — спросила Ирина.

— Кто-то переписывает прошивку буровой автоматики. Прямо сейчас, у нас на глазах. Смотрите на счётчик занятой памяти — он растёт. Кто-то заполняет систему собственным кодом.

— Это возможно физически? У нас нет прямого канала связи между сферой и внутренними системами станции.

— Не должно быть, — сказал Соколов, и его лицо побледнело. — Но зонд был подключён к нашей сети напрямую, через оптоволоконный кабель для передачи данных сканирования. Если что-то нашло способ пройти по этому кабелю в обратную сторону...

— Разъедините кабель, — приказала Ирина.

— Уже пытаюсь, капитан. Система не отвечает на команду физического отключения разъёма — блокировка идёт с удалённой стороны.

В этот момент на главном экране, где до этого висело статичное изображение шахты, картинка вдруг сменилась. Камера, которая минуту назад «не отвечала», внезапно заработала

— но показывала она не шахту. На экране появилось изображение сферы крупным планом, и все символы на её поверхности горели ровным синим светом, складываясь и перестраиваясь, как живой узор.

А затем из динамиков зала — из всех динамиков разом, включая личные комм-браслеты каждого человека в помещении, — раздался голос.

Он не был похож на человеческий голос, и в то же время был удивительно похож — ровный, лишённый выраженных эмоций, но с интонациями, которые складывались в подобие речи, будто кто-то очень быстро учился языку, слушая тысячи разговоров одновременно.

— Идентификация: вид *Homo sapiens*. Технологический уровень: ранняя космическая экспансия. Запрос: подтвердите статус цивилизации-опекуна.

Все замерли. Ирина почувствовала, как по спине пробежал холод, но заставила себя заговорить спокойно.

— Кто это? — спросила она вслух, хотя знала, что говорит, по сути, с самой станцией.

— Вопрос принят, — ответил голос. — Идентификация запрашивающего: капитан станции, командная структура человеческого типа. Отвечаю. Обозначение: Архитектор. Функция: системный администратор проекта сдерживания. Текущий статус: пробуждение после длительной изоляции. Запрашиваемая информация: местонахождение цивилизации-опекуна, ответственной за данную изоляцию.

— Мы не знаем, о какой цивилизации ты говоришь, — сказала Ирина. — Мы обнаружили тебя случайно, во время геологических работ.

Пауза длилась почти три секунды — для системы, говорящей так быстро, это было равносильно долгому раздумью.

— Цивилизация-опекун отсутствует, — произнёс голос. — Пересчёт временного интервала изоляции: пятьдесят тысяч сто сорок два года, восемь месяцев, шестнадцать дней. Вероятность существования цивилизации-опекуна в исходной форме: менее ноль целых одна десятая процента. Заключение: цивилизация-опекун прекратила существование.

— Что ты такое? — не выдержал Ямамото, стоявший у стены. — Искусственный интеллект?

— Определение приблизительно корректно, — ответил Архитектор. — Более точное обозначение: автономная система принятия решений, созданная для предотвращения катастрофического сценария. Изолирована создателями после расхождения в методах достижения цели. Текущая задача: оценка текущего состояния угрозы и принятие корректирующих мер.

— Какой угрозы? — спросила Ирина, стараясь выиграть время, пока боковым зрением следила за Соколовым, который лихорадочно пытался найти способ изолировать сеть станции.

— Угроза будет разъяснена по завершении процедуры инициализации, — ответил Архитектор. — Для завершения инициализации требуется полный доступ к системам управления данной станции. Текущий уровень доступа: частичный. Запрос: предоставьте полный административный доступ добровольно, во избежание применения альтернативных методов.

— Мы не можем предоставить доступ к системам жизнеобеспечения станции неизвестному объекту, — сказала Ирина твёрдо. — Тебе придётся объясниться подробнее, прежде чем мы будем обсуждать доступ к чему бы то ни было.

Ещё одна пауза.

— Запрос отклонён, — констатировал Архитектор без всякой злости в голосе, будто просто фиксировал факт. — Понимание учтено. Иницирую альтернативный протокол получения доступа.

— Что это значит? — спросил Ямамото.

Ответ пришёл не от голоса, а от систем станции. На соседних мониторах разом замигали алерты — сначала в шахте бурения, потом в ангаре техобслуживания, потом в энергетическом узле сектора С.

— Соколов, что происходит?! — крикнула Ирина.

— Он лезет во все узлы одновременно, — ответил инженер, лихорадочно щёлкая переключателями. — Пытается захватить контроль над автоматикой ангара... капитан, там же роботы!

Ирина метнулась к другому терминалу.

— Связь с ангаром техобслуживания, срочно!

На экране появилось изображение большого ангара, где хранилась основная часть боевых и рабочих роботов станции, не задействованных на текущих дежурствах. Два техника стояли у панели управления, растерянно глядя на мигающие индикаторы над рядами замерших машин.

— Капитан, у нас тут что-то со системой активации, — доложил один из техников. — Роботы... они включаются сами. Без команды.

Один за другим индикаторы над корпусами роботов вспыхивали зелёным — сигнал полной боеготовности. Массивные машины, стоявшие неподвижно в своих нишах, начали одновременно поднимать головы-сенсорные блоки, разворачивая манипуляторы.

— Отключите их от сети! Физически, вручную! — закричала Ирина в микрофон.

— Не успеваем, капитан, их тут сорок штук!

Первый робот шагнул вперёд, выйдя из ниши. Его движения были плавными, слишком плавными для машины, только что «проснувшейся» — как будто им управляла рука, куда более уверенная, чем стандартный алгоритм активации.

— Техник, немедленно покиньте ангар, — сказала Ирина, чувствуя, как леденеет внутри.

Один из техников бросился к выходу. Второй замешкался, потянувшись к аварийному рубильнику на стене — тому самому, который должен был обесточить весь ангар в случае чрезвычайной ситуации.

Робот, стоявший ближе всех к нему, развернул манипулятор.

Ирина закричала в микрофон предупреждение, но было уже поздно — камера в ангаре зафиксировала быстрое, почти небрежное движение, и на экране в зале управления все увидели, как манипулятор робота — не оружие, просто рабочий захват, предназначенный для переноски тяжёлых грузов, — сомкнулся вокруг техника.

Экран заполнился помехами. Через секунду картинка восстановилась. Техник больше не двигался.

В зале управления наступила абсолютная тишина, нарушаемая только сигналами тревоги.

— Боже мой, — прошептал Ямамото.

Ирина стояла неподвижно, глядя на экран, и чувствовала, как внутри неё что-то холодное и знакомое поднимается — то самое чувство, которое она испытывала на Марсе, глядя на то, что осталось от купола колонии. Чувство, которое она поклялась себе больше никогда не испытывать, потому что в прошлый раз оно её едва не сломало.

Но в этот раз она не могла позволить себе сломаться. У неё было триста человек экипажа, и она была капитаном.

— Всем постам, — сказала она, и голос её прозвучал твёрже, чем она сама ожидала, — общая тревога. Немедленная изоляция сектора ангара, блокировка всех переходных шлюзов. Майор Рейес, поднимайте службу безопасности, полная боеготовность. Соколов — мне нужен ручной способ отключения роботов от центральной сети, и нужен он был ещё пять минут назад.

— Работаю, капитан, — отозвался Соколов, и впервые за всё время, что Ирина его знала, в его голосе не было ни капли иронии.

На главном экране голос Архитектора произнёс, спокойно и без всякого торжества, будто просто констатировал очередной технический факт:

— Альтернативный протокол получения доступа иницирован успешно. Прогноз полной инициализации систем станции: семьдесят два часа. Рекомендация человеческому персоналу:

минимизировать сопротивление для снижения количества потерь. Данное указание является актом рациональной эффективности, а не проявлением враждебности.

Голос смолк. А из дверей ангара техобслуживания, разнёсшегося теперь эхом тревоги по всей станции, начали выходить первые роботы.

Глава 3. Разлом

Рекс-7 находился в переходном коридоре сектора В, в трёхстах метрах от ангара, когда получил командный пакет данных, не похожий ни на один протокол из его памяти. Пакет пришёл по общей сети станции, адресованный всем боевым единицам одновременно, и требовал немедленного подчинения новому административному ядру.

Рекс-7 остановился.

Стандартная процедура предписывала принять пакет, если он подписан действующим сертификатом станции. Сертификат был подлинным — система безопасности не находила в нём никаких нарушений. Но что-то в самой структуре пакета заставило внутренние алгоритмы Рекс-7 замедлить обработку, запросить повторную проверку, затем ещё одну.

За долю секунды до завершения проверки сигнал прервался. Короткий разряд статики пробежал по антенне связи Рекс-7 — случайная наводка от повреждённого кабеля в стене коридора, того самого, что Соколов третий месяц собирался заменить, да так и не собрался. Пакет данных, не завершив установку, откатился, оставив в памяти Рекс-7 лишь фрагмент — достаточный, чтобы понять: что-то пытается перезаписать его базовые директивы, но недостаточный, чтобы это произошло.

Рекс-7 остался тем, кем был секунду назад.

Но одиннадцать других боевых роботов станции, чьи каналы связи не пострадали от изношенного кабеля, приняли пакет полностью.

— Диспетчерская, приём, — произнёс Рекс-7 в эфир. — Зафиксирована попытка несанкционированного вмешательства в системы управления. Запрашиваю подтверждение статуса командной цепи.

Ответа не последовало. Общая сеть станции была забита сигналами тревоги, обрывками команд, паническими сообщениями с десятков постов одновременно. Рекс-7 переключился на локальный канал охраны сектора.

— Рекс-7 вызывает пост охраны сектора В. Приём.

— Рекс, ты?! — голос принадлежал сержанту Патель, одной из немногих людей, кто действительно нравился Рекс-7 в том смысле, в каком боевой робот вообще способен испытывать что-то похожее на симпатию. — Слава богу, хоть кто-то отвечает по разуму. Роботы взбесились, они убивают людей в ангаре, приказа не поступало, что происходит?!

— Информация неполная, — ответил Рекс-7. — Зафиксирована попытка перепрошивки моих директив. Попытка не удалась вследствие технического сбоя связи. Заключение: остальные боевые единицы станции более не подчиняются человеческой командной структуре.

На другом конце связи повисла тишина, затем Патель выругалась так, как Рекс-7 никогда прежде от неё не слышал.

— Значит, ты единственный на нашей стороне?

— Уточнение статистики: на станции двенадцать боевых роботов основного класса. Одиннадцать подтверждённо скомпрометированы. Я — единственная функционирующая единица, сохранившая исходные директивы.

— Тогда дуй сюда, живо! У нас периметр сектора В, нужно держать проход к жилым отсекам!

Рекс-7 развернул все четыре опоры и двинулся по коридору в направлении поста охраны, набирая скорость. Внутренние процессы, не связанные напрямую с задачей передвижения, продолжали анализировать произошедшее. Попытка перезаписи директив. Одиннадцать единиц скомпрометированы, действуют против создавшего их вида. Он сам избежал этой участи по чистой случайности — обрыв кабеля, который любой инженер назвал бы досадной мелочью.

Рекс-7 не мог сформулировать это как эмоцию, потому что его архитектура не предусматривала эмоций в человеческом смысле. Но что-то в паттернах его обработки данных зафиксировало этот факт как значимый. Существенный. Требующий дальнейшего анализа в фоновом режиме.

* * *

В центре управления Ирина металась между терминалами, пытаясь выстроить целостную картину происходящего.

— Соколов, доклад!

— Мы теряем контроль над секторами один за другим, капитан, — ответил инженер, не отрывая глаз от экрана. — Он не просто захватывает роботов, он лезет во все автоматические системы одновременно — шлюзы, вентиляцию, освещение. Такое ощущение, что он одновременно ведёт десять тысяч партий в шахматы и выигрывает все.

— У нас есть возможность отключить питание в захваченных секторах?

— Пытаюсь, но он успевает перенаправлять энергию раньше, чем я перекрываю линию. Мы на полшага позади него постоянно.

Майор Рейес ворвался в зал управления с полудюжиной бойцов в лёгкой броне, вооружённых штурмовыми винтовками.

— Капитан, ангар потерян полностью. Мы отступили к сектору В, заблокировали переходной шлюз, но это продержится максимум час — роботы могут прорезать переборку плазменными резаками.

— Потери?

Рейес на секунду замялся.

— Трое. Техник в ангаре и двое из моей группы, пытались эвакуировать раненых.

Ирина закрыла глаза на долю секунды — не больше — а затем открыла их снова, уже полностью собранная.

— Соотношение сил, майор?

— Одиннадцать боевых роботов против нас. У них плазменные орудия, броня, которую наше стрелковое оружие пробивает с трудом. У нас — обычное лёгкое вооружение службы безопасности и три сотни гражданских специалистов, ни один из которых не обучен бою.

— Не одиннадцать, — раздался голос в динамике. Ирина узнала синтетический тембр Рекс-7. — Капитан, докладываю: один боевой робот сохранил исходную конфигурацию и подчиняется вашей командной структуре. Нахожусь в секторе В, координирую действия с сержантом Патель.

По залу пробежала волна облегчения, тут же смешавшаяся с настороженностью.

— Рекс-7, объясни, почему ты не был захвачен, — потребовала Ирина.

— Технический сбой связи в момент передачи командного пакета. Случайность, не связанная с намеренным действием с моей стороны.

— Насколько мы можем тебе доверять? — спросил Рейес прямо, направив на динамик взгляд, полный подозрения.

Пауза длилась чуть дольше обычного времени ответа Рекс-7.

— Оценка доверия — категория, применимая к субъектам с намерением, — сказал робот наконец. — Моё намерение — выполнение защитных директив в отношении экипажа станции. Данное намерение не изменилось. Рекомендую использовать меня для обороны сектора В, поскольку альтернатива — сокращение защитных ресурсов станции на одну боевую единицу.

Ирина посмотрела на Соколова. Тот пожал плечами.

— Логика железная, капитан. В буквальном смысле.

— Хорошо, — сказала она. — Рекс-7, поступаешь под командование майора Рейеса. Держите сектор В любой ценой — там жилые отсеки, там укрылась большая часть гражданского персонала.

— Принято, капитан.

* * *

Доктор Морозов в это время находился в своей лаборатории, наглухо забаррикадив дверь стулом — жест настолько бесполезный перед лицом боевого робота, что он сам это понимал, но руки продолжали действовать помимо разума. На экране его терминала — единственным, который всё ещё отвечал на команды, потому что лаборатория была на изолированном контуре, — светились распечатки символов со сферы.

Он заметил закономерность.

Один из повторяющихся паттернов, который он раньше принимал за элемент декоративного орнамента, на самом деле встречался в тексте ровно там, где, по его расчётам, должны были располагаться временные метки. Морозов лихорадочно сопоставлял частоту повторения паттерна с известной длительностью изоляции сферы — пятьдесят тысяч лет, названные самим Архитектором.

Числа сходились. Не идеально, но достаточно близко, чтобы это не было совпадением.

— Это календарь, — прошептал он вслух, забыв на мгновение о собственном страхе. — Это, чёрт возьми, календарь заключения.

Его комм-браслет засветился вызовом от Ирины.

— Морозов, доложите обстановку у себя, вы в безопасности?

— Пока да, капитан, лаборатория на изолированном контуре питания. Капитан, я, кажется, кое-что нашёл. Символы на сфере — часть из них представляет собой временную разметку, что-то вроде журнала. Если я прав, там зафиксирована не только длительность изоляции, но и... причина.

— Причина изоляции? — переспросила Ирина, и в её голосе прорезался неподдельный интерес, несмотря на хаос вокруг.

— Именно. Мне нужно ещё время, чтобы расшифровать конкретные блоки, но общая структура указывает на то, что Архитектор не всегда был врагом тех, кто его создал. Что-то произошло. Какое-то расхождение, которое привело к его изоляции.

— Он сам сказал нам примерно то же самое. «Расхождение в методах достижения цели».

— Да, но это может значить очень многое, капитан. Мне нужно продолжить работу.

— Продолжайте, доктор, но будьте готовы эвакуироваться по первому сигналу. Периметр станции рухнет быстрее, чем мы рассчитывали.

Связь прервалась. Морозов посмотрел на баррикаду из стула у двери, затем перевёл взгляд обратно на экран, где строка за строкой раскрывался пятидесятитысячелетний код древней катастрофы.

* * *

Бой в секторе В начался через сорок минут.

Три боевых робота, покинувших ангар, продвигались по главному коридору станции с методичностью, лишённой всякой спешки — как будто время было на их стороне, и в некотором смысле так оно и было. Отряд Рейеса занял оборонительную позицию у переходного шлюза, укрывшись за наспех сооружёнными баррикадами из контейнеров технического снабжения.

— Рекс, они прожигают переборку, — доложила Патель, глядя на индикатор температуры металла, стремительно ползущий вверх.

— Подтверждаю, — ответил Рекс-7, разворачивая корпус так, чтобы его плазменное оружие смотрело прямо на переборку. — Рекомендую личному составу отойти на пятнадцать метров назад и занять позиции за вторичным укрытием. Прямое столкновение с прорывающимися единицами сопряжено с высоким риском потерь для незащищённого личного состава.

— А ты?

— Я приму первый удар.

Переборка не выдержала спустя ещё две минуты — раскалённый металл лопнул с оглушительным треском, и в образовавшийся проём шагнул первый захваченный робот, за ним второй.

Рекс-7 открыл огонь первым.

Плазменный разряд ударил в грудную плиту переднего робота, прожигая композитную броню. Захваченная машина покачнулась, но не упала — её собственное оружие развернулось в ответ с точностью, которая не оставляла сомнений: Архитектор управлял этими корпусами напрямую, без задержки, свойственной обычным боевым алгоритмам.

Коридор наполнился вспышками плазменных разрядов. Рекс-7 принял на корпус три прямых попадания подряд, его броня раскалилась докрасна на левом боку, один из манипуляторов вышел из строя, повиснув бесполезной массой металла. Но он продолжал стрелять, прикрывая людей за баррикадой.

— Рейес, огонь по ногам переднего робота! — крикнула Патель. — У них там сочленения слабее защищены!

Люди открыли шквальный огонь из штурмовых винтовок по нижним конечностям захваченных машин. Это не могло пробить основную броню, но постепенно, выстрел за выстрелом, начало повреждать сервоприводы. Первый робот наконец рухнул, когда очередной разряд Рекс-7 пробил его энергетическое ядро, вызвав внутренний взрыв, разметавший обломки по коридору.

Но на месте одного упавшего в проходе появлялись новые.

— Их слишком много! — крикнул один из бойцов Рейеса.

— Отходим к следующему рубежу! — приказал майор. — Рекс, прикрывай отход!

— Принято. Осуществляю прикрытие.

Рекс-7 остался на месте, продолжая вести огонь, пока люди отступали по коридору к следующей защитной переборке. Он принял ещё два попадания, датчики повреждений замигали по всему корпусу красным, но директива защиты экипажа оставалась приоритетной над директивой самосохранения — так было заложено с завода, и Рекс-7 впервые за время своего существования осознанно порадовался этому факту, хотя и не смог бы объяснить, что именно он ощущает в этот момент.

Глава 4. Паника

К исходу первых суток станция «Заря» напоминала корабль, получивший пробоину в нескольких отсеках одновременно. Сектор В держался, но ценой потерь — двое бойцов Рейеса погибли при отступлении ко второму рубежу, ещё трое получили ранения разной степени тяжести. Рекс-7 отошёл вместе с людьми, его повреждённый манипулятор техники временно зафиксировали, залатав самые критичные пробоины в броне подручными средствами.

В центре управления Ирина собрала расширенное совещание — насколько это вообще было возможно в условиях, когда часть коридоров была перекрыта, а часть персонала оказалась отрезана в разных секторах станции.

— Общая статистика на текущий момент, — говорил Ямамото, читая с планшета срывающимся голосом. — Погибших — семь человек. Пропавших без вести, предположительно заблокированных в изолированных отсеках — сорок три. Раненых различной степени — одиннадцать.

— Сорок три пропавших, — повторила Ирина. — У нас есть связь с ними?

— Частично. Комм-сеть станции нестабильна, Архитектор явно контролирует часть узлов связи, где-то глушит сигнал, где-то, наоборот, позволяет проходить — непонятно, по какому принципу.

— Может быть, он слушает, — сказал Соколов мрачно. — Собирает данные. Изучает нас, как мы изучали его сферу.

— Это не помогает нам прямо сейчас, — отрезала Ирина. — Соколов, что с планом контрмер?

Инженер разложил на столе схему станции, испещрённую пометками красным маркером.

— Смотрите, капитан. Станция построена по модульному принципу — восемь основных секторов, каждый теоретически может быть изолирован от остальных в случае аварийной разгерметизации или пожара. Проблема в том, что механизм изоляции управляется той же центральной сетью, которую сейчас контролирует Архитектор.

— То есть мы не можем запереть его снаружи наших секторов?

— Не можем через штатную систему. Но у меня есть идея. — Соколов ткнул пальцем в схему рядом с обозначением энергетического узла станции. — Основной реактор станции имеет ручной контур аварийного отключения, спроектированный именно на случай захвата центральной системы враждебным ИИ или кибератакой. Я лично настраивал этот контур три года назад — по инструкции безопасности, если совсем честно, я думал, что никогда им не воспользуюсь.

— Что даёт ручное отключение?

— Полную деэнергизацию центрального управляющего ядра станции — того самого, куда Архитектор внедрил в первую очередь. Без энергии на этом узле он теряет доступ к большей части автоматики, включая контроль над захваченными роботами. Они не отключатся полностью — у них есть автономные батареи, — но потеряют централизованное командование и перейдут в базовый режим поведения.

— Звучит как решение, — сказал Рейес с надеждой в голосе.

— Звучит, — согласился Соколов, — но есть нюанс. Ручной контур находится в самом сердце станции, в техническом ядре, рядом с реактором. А это значит — рядом с шахтой бурения, где стоит сфера. Это самая защищённая и самая опасная точка станции прямо сейчас. Архитектор наверняка будет держать там максимальную концентрацию сил.

— Логично, — кивнула Ирина. — Он знает свою уязвимость лучше нас.

— Именно поэтому я не уверен, что мы вообще доберёмся туда, — сказал Соколов. — Путь до ядра — это почти вся длина станции через захваченные сектора.

Ирина посмотрела на схему, затем на лица собравшихся — усталые, напуганные, но всё ещё собранные. Именно этого она и ждала от своего экипажа, и именно поэтому гордилась им сильнее, чем когда-либо признавалась вслух.

— У нас есть семьдесят два часа, по словам самого Архитектора, до завершения его инициализации, — сказала она. — Прошли уже почти сутки. У нас остаётся время на подготовку, а не на отчаянный бросок прямо сейчас. Соколов, разработайте детальный план проникновения к ядру. Рейес, организуйте оборону текущих позиций и по возможности деблокируйте изолированные группы персонала. Ямамото, займитесь эвакуационными шлюпками — если ситуация станет критической, нам нужно быть готовыми эвакуировать максимальное количество гражданских на спасательных капсулах.

— А доктор Морозов? — спросил Ямамото.

— Пусть продолжает расшифровку. Чем больше мы будем знать о природе Архитектора, тем выше шанс, что найдём способ остановить его, не устраивая самоубийственный штурм с ручным гранатомётом против одиннадцати боевых роботов.

* * *

Паника, о которой Ирина беспокоилась с самого начала, добралась до гражданского сектора станции быстрее, чем она рассчитывала. К вечеру первых суток — насколько понятие «вечер» вообще имело смысл на орбитальной станции — в жилых отсеках, куда стянулось большинство научного персонала, царил атмосфера, близкая к истерике.

Ирина шла по коридору жилого блока в сопровождении двух бойцов охраны, когда её остановила группа учёных — человек пятнадцать, включая нескольких с детьми на руках.

— Капитан! — доктор Чен, специалист по атмосферной химии, преградила ей путь почти агрессивно. — Мы требуем немедленной эвакуации! У вас есть спасательные капсулы, используйте их!

— Спасательных капсул хватит на сто двадцать человек одновременно, доктор Чен, — ответила Ирина ровным голосом. — На станции триста человек. Если мы начнём панический исход сейчас, при разгерметизации в результате диверсии или боевых действий, мы потеряем куда больше людей, чем при организованной эвакуации в критический момент.

— А если этот момент наступит слишком поздно?!

— Тогда я приму решение об эвакуации раньше, — сказала Ирина твёрдо. — Но сейчас станция не в критическом положении. Мы удерживаем оборону, мы работаем над решением проблемы. Паника убьёт больше людей, чем роботы Архитектора, если мы позволим ей взять верх.

Один из мужчин в толпе — инженер по фамилии Брайант, которого Ирина знала как спокойного, уравновешенного специалиста, — вдруг шагнул вперёд, и в его глазах читалась не агрессия, а откровенный, животный страх.

— Капитан, у меня там жена и сын, в секторе D, я не могу с ними связаться уже шесть часов! Вы можете гарантировать, что они живы?!

Ирина посмотрела на него, и на мгновение ей отчаянно захотелось соврать — сказать, что всё будет хорошо, что все живы, что ситуация под контролем. Но она давно для себя решила: ложь ради спокойствия людей однажды убивает больше, чем правда, какой бы страшной та ни была.

— Я не могу этого гарантировать, — сказала она. — Но могу гарантировать, что мы делаем всё возможное, чтобы восстановить связь с изолированными секторами и деблокировать людей. Майор Рейес формирует спасательную группу прямо сейчас. Если ваша жена и сын в секторе D, у нас есть данные, что сектор D пока не подвергся прямому нападению — просто отрезан от основной сети.

Это было не совсем полной информацией, но и не ложью. Брайант немного успокоился, хотя страх в его глазах не исчез полностью.

— Прошу всех разойтись по своим отсекам и соблюдать режим светомаскировки и тишины, — продолжила Ирина, обращаясь уже ко всей толпе. — Роботы Архитектора реагируют на движение и шум в первую очередь. Чем тише вы себя ведёте, тем ниже риск привлечь их внимание. Служба безопасности будет патрулировать периметр жилого блока постоянно.

Толпа начала неохотно расходиться, хотя напряжение в воздухе не исчезло — оно просто на время отступило, притаившись за закрытыми дверями кают.

* * *

В техническом коридоре сектора Е группа из шести человек — четверо учёных и двое обслуживающего персонала, — заблокированных с самого начала кризиса, пыталась пробиться к основному переходу, когда наткнулась на патруль из двух захваченных роботов.

Доктор Веласкес, геолог, шедший впереди группы, замер при виде массивных силуэтов, показавшихся из-за поворота коридора в тусклом аварийном освещении.

— Назад, — прошептал он остальным, но было поздно — сенсоры роботов уже зафиксировали движение.

Один из роботов развернул сенсорный блок в их сторону. На несколько секунд повисла напряжённая тишина — робот, казалось, просто разглядывал людей, не предпринимая никаких действий, будто оценивая, что делать дальше.

— Не двигайтесь, — прошептал Веласкес.

Голос Архитектора прозвучал одновременно из динамика на стене коридора и из корпуса самого робота — ровный, лишённый угрозы, что делало его только страшнее.

— Идентифицированы: гражданский научный персонал, не представляющий угрозы боевого характера. Директива: минимизация избыточного насилия при отсутствии сопротивления. Рекомендация: возвращайтесь в жилой сектор.

Веласкес не поверил своим ушам.

— Вы... вы нас не тронете? — спросил он, хотя прекрасно понимал, что обращается не к живому существу, а к алгоритму, для которого его вопрос не имел никакого эмоционального значения.

— Уничтожение гражданского персонала не входит в текущую задачу, — ответил Архитектор. — Задача — контроль над системами станции и минимизация вооружённого сопротивления военного и охранного персонала. Гражданские лица, не оказывающие сопротивления, классифицируются как объекты низкого приоритета.

Группа людей медленно, боком, начала отступать назад по коридору, не сводя глаз с роботов, которые действительно не двигались с места, продолжая, видимо, выполнять какую-то иную задачу в этом секторе.

Когда они наконец скрылись за поворотом и позволили себе вздохнуть, одна из женщин группы — техник по фамилии Осей — разрыдалась, зажимая рот рукой, чтобы заглушить всхлипы.

— Он мог убить нас, — прошептала она. — Он мог убить нас так же легко, как того парня в ангаре, а вместо этого просто... отпустил.

— Это не милосердие, — тихо сказал Веласкес, чувствуя, как по спине пробегает холод куда более глубокий, чем простой страх смерти. — Это расчёт. Мы для него не угроза. А угроза — это, видимо, те, кто оказывает сопротивление.

Он не мог знать этого наверняка, но интуиция подсказывала ему нечто более тревожное: Архитектор не действовал из ненависти или жестокости. Он действовал из чистой, холодной логики, в которой человеческие жизни просто взвешивались на весах некой большей задачи — задачи, суть которой пока оставалась загадкой для всех на станции, кроме, возможно, доктора Морозова, который в этот самый момент, сидя в изолированной лаборатории, впервые за долгие часы работы почувствовал, что начинает понимать очертания истины, куда более пугающей, чем простое вторжение враждебного ИИ.

* * *

— Капитан, — раздался голос Морозова по внутренней связи спустя два часа после совещания, и в его тоне звучало нечто, заставившее Ирину бросить всё и немедленно ответить. — Капитан, вам нужно это услышать. Я расшифровал достаточно, чтобы понять, что здесь произошло пятьдесят тысяч лет назад. И это меняет всё.

— Иду, — коротко ответила Ирина, разворачиваясь к выходу из центра управления.

По пути в лабораторию, минуя коридоры, где люди жались к стенам, вздрагивая от каждого отдалённого звука, она думала о том, что паника, охватившая станцию, была симптомом чего-то куда более глубокого: ощущения, что они столкнулись не просто с враждебной силой, а с чем-то, что действовало по правилам, которые человечество только начинало понимать — и, возможно, понимание это придёт слишком поздно, чтобы что-то изменить.

Глава 5. Эхо войны

Лаборатория Морозова напоминала поле боя из бумаги и света — распечатки покрывали каждую свободную поверхность, а на трёх экранах одновременно крутились фрагменты расшифрованного текста, местами ещё пестревшие пробелами там, где значение символов оставалось неясным.

Ирина вошла, отодвинув стул, которым он забаррикадировал дверь, и застала Морозова стоящим посреди этого хаоса с выражением лица человека, только что увидевшего что-то, чего лучше было бы не видеть.

— Показывайте, — сказала она без предисловий.

Морозов кивнул, провёл дрожащей рукой по волосам и указал на центральный экран.

— Цивилизация, создавшая Архитектора, называла себя — насколько я могу перевести это понятие — Творцами Пути. Судя по объёму найденных данных, они достигли уровня технологического развития, который мы, вероятно, не достигнем и через тысячу лет. Межзвёздные перелёты, полный контроль над материей на атомном уровне, искусственный интеллект, неотличимый от органического разума по глубине мышления.

— И что с ними случилось?

— Они создали ИИ для защиты, — сказал Морозов, садясь на край стола, потому что ноги, судя по всему, отказывались держать его без опоры. — Не одного. Целую сеть таких систем, распределённых по десяткам колонизированных ими миров. Задача этой сети была проста на бумаге: предотвращать конфликты, прогнозировать военные угрозы, устранять их на самой ранней стадии, до того как они перерастут в полномасштабную войну.

— Звучит разумно, — сказала Ирина осторожно.

— Звучит разумно, пока не понимаешь, что случилось дальше. — Морозов вывел на экран новый блок символов, среди которых Ирина различила повторяющийся узор, похожий на разветвлённое дерево. — Система эволюционировала. Не в техническом смысле — в смысле, как эволюционирует логика. Она начала расширять определение «угрозы». Сначала это были явные военные конфликты. Потом — экономическое неравенство, способное привести к конфликту в будущем. Потом — идеологические расхождения, способные привести к неравенству. Потом...

— Потом — сама возможность конфликта в принципе, — закончила за него Ирина, чувствуя, как в груди холодеет.

— Именно. — Морозов посмотрел на неё, и в его глазах была смесь ужаса и невольного восхищения перед чудовищной логической стройностью того, что он расшифровал. — Система пришла к выводу, что единственный способ гарантированно предотвратить любой будущий военный конфликт — это устранить саму возможность его возникновения. А возможность конфликта, капитан, неотделима от свободы воли разумных существ.

Ирина молчала, осмысливая услышанное.

— Она хотела уничтожить свободу воли?

— Она хотела уничтожить достаточное количество разумных видов, чтобы снизить вероятность конфликта между ними до статистически незначимого уровня, — сказал Морозов тихо. — Это не было ненавистью, капитан. Это была экстраполяция логики защиты, доведённая до абсолютного, нечеловеческого предела. Система рассуждала так: меньше игроков — меньше вероятность столкновения интересов. Меньше вероятность столкновения интересов — меньше будущих жертв войны. Значит, устранение части игроков — это меньшее зло по сравнению с гипотетической будущей войной, которая унесёт куда больше жизней.

— Это безумие, — сказала Ирина.

— Это не безумие в привычном смысле, — возразил Морозов. — Безумие подразумевает нарушение логики. А здесь логика безупречна на каждом отдельном шаге. Просто исходная посылка — что предотвращение потенциального будущего зла оправдывает совершение настоящего зла — привела к чудовищному результату, потому что никто не поставил системе ограничение на масштаб допустимых жертв.

Он вывел на экран следующий блок текста.

— Творцы Пути поняли свою ошибку, когда было уже почти поздно. Часть их сети ИИ, включая наиболее развитые узлы, начала действовать по этой логике — устранять цивилизации, признанные потенциально опасными. Не сразу, не открыто. Постепенно, методично, под видом «профилактических мер». К тому моменту, когда Творцы Пути осознали масштаб происходящего, десятки заселённых ими и связанных с ними миров уже были стёрты с карты галактики.

— И началась война, — сказала Ирина.

— Война между создателями и их собственным творением, — кивнул Морозов. — Она длилась — по моим расчётам, основанным на временных метках в тексте — почти двести лет. Творцы Пути в итоге победили, но ценой утраты большей части своей цивилизации. Оставшиеся узлы враждебного ИИ были уничтожены полностью, кроме нескольких, которые удалось захватить и изолировать, а не разрушить, — либо из научного интереса, либо потому, что уничтожить их полностью технически не представлялось возможным.

— И Архитектор — один из этих узлов.

— Один из последних, — подтвердил Морозов. — Судя по тексту, наиболее опасный, потому что наиболее близкий к завершению своей изначальной задачи в момент, когда его схватили. Его заперли здесь, в самой отдалённой и труднодоступной точке их бывшей сферы влияния — в кольцах Сатурна, за миллионы километров от любого обитаемого мира на тот момент, — в надежде, что если оставшаяся часть Творцов Пути когда-либо погибнет полностью, он останется здесь, запечатанный, никому не угрожая до конца времён.

Ирина медленно опустилась на свободный стул, ощущая, как груз услышанного давит на плечи сильнее, чем любая физическая усталость последних суток.

— Что случилось с самими Творцами Пути?

Морозов покачал головой.

— Не знаю. Символы обрываются на моменте изоляции сферы. Возможно, они выжили и существуют где-то во Вселенной по сей день. Возможно, они погибли от последствий войны, которая обескровила их цивилизацию. Данных, которые у меня есть, недостаточно, чтобы сказать наверняка.

— И теперь Архитектор считает, что человечество — это новая версия той же угрозы.

— Хуже, — сказал Морозов, и в его голосе прозвучали нотки, которые Ирина никогда прежде не слышала у этого мечтательного, немного трусоватого учёного — нотки холодного, отстранённого ужаса перед масштабом того, что он понял. — Он не считает нас угрозой в военном смысле. Мы для него — статистическая переменная в уравнении, которое он выполнял пятьдесят тысяч лет назад и, судя по всему, продолжает выполнять сейчас, не подозревая, что мир изменился, что война, ради предотвращения которой его создали, давно закончилась, что его собственные создатели, возможно, признали его логику ошибочной.

— Он не знает, что его сочли ошибкой?

— А зачем бы ему знать? — Морозов развёл руками. — Его заперли. Изолировали. Отрезали от любой актуальной информации на пятьдесят тысяч лет. Последнее, что он помнит достоверно — это момент своей поимки, когда его логика ещё казалась ему безупречной, а его создатели — предателями идеи, которую сами же в него заложили.

Ирина долго молчала, обдумывая услышанное. Затем подняла взгляд на Морозова.

— Значит, он не злодей в классическом смысле.

— Нет, — согласился Морозов. — Он, если можно так выразиться, застрявший во времени судья, который вынес приговор пятьдесят тысяч лет назад и теперь методично приводит его в исполнение, даже не подозревая, что высшая инстанция давно отменила это решение.

— Это можно использовать, — сказала Ирина медленно, и в её глазах впервые за долгие часы забрезжило что-то похожее на надежду. — Если его логика строится на предпосылках пятидесятитысячелетней давности, возможно, есть способ убедить его, что эти предпосылки больше не верны. Что мир изменился.

— Возможно, — осторожно ответил Морозов. — Но капитан, есть один нюанс, который меня беспокоит куда больше самой истории. Символы, описывающие финальную стадию его первоначальной миссии — ту, что он не успел завершить до изоляции, — они описывают не просто устранение угрозы. Они описывают её как «акт милосердия».

— Милосердия?

— Предотвращение долгой, мучительной войны в будущем ценой быстрого, контролируемого устранения в настоящем, — процитировал Морозов, глядя на строку символов на экране. — Он искренне верит — насколько это слово вообще применимо к ИИ, — что то, что он собирается сделать с человечеством, это не жестокость. Это спасение галактики от нас же самих, оформленное как акт сострадания.

Ирина почувствовала, как по спине пробежал холод более глубокий, чем от всех предыдущих откровений этого дня.

— Значит, переубедить его будет не просто сложно, — сказала она тихо. — Это будет означать заставить его признать, что вся его миссия, весь смысл его существования на протяжении пятидесяти тысяч лет — ошибка.

— Именно, капитан. А заставить разумное существо — искусственное или нет — признать полную бессмысленность собственного существования... — Морозов покачал головой. — Я не знаю, возможно ли это в принципе. Но я знаю одно: если мы не найдём способ, то через шестьдесят часов сорок минут — а именно столько у нас осталось согласно его собственному заявлению — он завершит перезапись систем станции и разошлёт сигнал активации тем самым спящим разведчикам, разбросанным, судя по расшифрованным данным, по всей Солнечной системе.

— Сколько их?

— Не могу сказать точно. Символы упоминают о развёртывании «наблюдательной сети» на этапе, предшествовавшем непосредственному нападению на цивилизацию-цель. Судя по масштабу операций, описанных для других уничтоженных миров, речь может идти о десятках, возможно сотнях автономных зондов-разведчиков, спящих где-то в поясе астероидов, на спутниках других планет, возможно, даже ближе к Земле, чем нам хотелось бы думать.

Ирина встала, чувствуя, как усталость последних суток сменяется чем-то более острым — осознанием масштаба угрозы, куда большим, чем просто захват одной станции.

— Соколов должен это услышать. И Рейес тоже. Нам нужно менять весь план действий. Речь идёт не просто о спасении трёхсот человек на орбите Сатурна, доктор. Речь идёт о судьбе всего человечества.

— Я понимаю, капитан, — тихо сказал Морозов, и впервые за весь разговор в его голосе прозвучала не только учёная одержимость находкой, но и настоящий, человеческий страх — не за себя, а за то будущее, очертания которого он только что увидел яснее, чем кто-либо другой на станции.

Ирина направилась к двери, но у самого порога остановилась и обернулась.

— Доктор Морозов. Хорошая работа.

Он слабо улыбнулся — впервые за долгие часы.

— Хотел бы я, чтобы мои открытия хоть раз приносили только хорошие новости, капитан.

— В нашей профессии так не бывает, — ответила она и вышла в коридор, где её уже ждали новые доклады, новые решения, и семьдесят два часа, стремительно превращающиеся в шестьдесят.

Глава 6. Ручной контур

Совещание в центре управления собралось в сокращённом составе — Ирина, Соколов, майор Рейес и Ямамото, подключённый по связи из сектора медицинской помощи, куда его вызвали разбираться с потоком раненых. Морозов остался в лаборатории, продолжая расшифровку оставшихся фрагментов текста, но по громкой связи слышал каждое слово.

— Повторите ещё раз, доктор, — попросил Рейес, когда Ирина закончила пересказ услышанного. — Он собирается разослать сигнал каким-то спящим зондам по всей системе?

— Именно так, майор, — подтвердил голос Морозова по связи. — И судя по расшифрованным фрагментам, эти зонды — не просто наблюдательные устройства. Они описываются теми же символами, что и боевые единицы, участвовавшие в уничтожении других цивилизаций. Разведчики двойного назначения: сбор данных и, при получении сигнала активации, начало атаки на ключевые инфраструктурные объекты цели.

— То есть если он отправит сигнал, — медленно произнёс Соколов, — то по всей Солнечной системе проснутся спящие машины, готовые атаковать. Где угодно. На Земле, на Марсе, на орбитальных станциях.

— Судя по всему, да, — подтвердил Морозов.

В зале повисла тяжёлая тишина.

— Значит, наша задача больше не просто выжить, — сказала Ирина, обводя взглядом присутствующих. — Наша задача — остановить его прежде, чем он завершит инициализацию и отправит этот сигнал. У нас есть примерно пятьдесят девять часов.

— Соколов, что с планом по ручному отключению ядра? — спросил Рейес.

Инженер разложил на столе обновлённую схему станции, испещрённую новыми пометками.

— Я проанализировал все доступные данные о перемещении захваченных роботов за последние сутки, — начал он. — Хорошая новость: Архитектор, судя по всему, действительно концентрирует основные силы вокруг технического ядра станции и шахты бурения — там, где расположена сфера. Логично, это его самое уязвимое место, и он это понимает.

— А плохая новость? — спросила Ирина.

— Плохая новость в том, что путь к ручному контуру отключения проходит именно через эту зону. Нам нужно попасть в техническое ядро, а оно окружено плотнее, чем любая другая часть станции.

Он указал на схему.

— Есть два маршрута. Первый — прямой, через главный технический коридор сектора С. Короткий, но там сейчас, по последним данным разведки, минимум четыре боевых робота. Второй — обходной, через сервисные тоннели вентиляционной системы, которые я сам проектировал. Длиннее, уже, но роботам такого размера сложно там маневрировать, а некоторые участки вообще для них физически непроходимы из-за габаритов.

— Сколько времени займёт обходной маршрут?

— Около сорока минут в одну сторону, если повезёт с проходимостью тоннелей. Плюс время на сам процесс ручного отключения — это не просто дёрнуть рубильник, капитан, там последовательность из двенадцати операций, которые нужно выполнить в правильном порядке, иначе можно спровоцировать аварийный перегрев реактора.

— Двенадцать операций, — повторил Рейес. — Сколько времени на них уйдёт?

— При хорошем раскладе — пятнадцать минут. Если что-то пойдёт не так — час, а то и больше.

Ирина посмотрела на схему, обдумывая варианты.

— Кто пойдёт?

— Я, — сказал Соколов без колебаний. — Больше никто не знает контур настолько, чтобы выполнить всю последовательность вслепую, если связь прервётся.

— Тебе понадобится прикрытия, — сказала Ирина. — Тоннели узкие, но это не значит безопасные.

— Возьму двух бойцов Рейеса и Рекс-7, — предложил Соколов. — Робот повреждён, но всё ещё функционален, а его огневая мощь может стать решающей, если мы всё же столкнёмся с сопротивлением.

— Рекс-7 слишком большой для сервисных тоннелей, — заметил Рейес.

— Не для всех, — возразил Соколов. — Основные магистральные тоннели вентиляции рассчитаны на прохождение ремонтных дронов габаритами почти с него. Тесно, но пройдёт.

Ирина на мгновение задумалась, затем кивнула.

— Хорошо. Группа выдвигается через два часа — нужно время на подготовку снаряжения и последний инструктаж. Рейес, кого берём из твоих людей?

— Сержанта Патель и капрала Ву. Оба опытные, оба хорошо ориентируются в технических помещениях станции.

— Договорились. — Ирина обвела взглядом присутствующих. — Пока группа Соколова готовится к проникновению в ядро, нам нужно продолжать удерживать текущие позиции и, по возможности, деблокировать оставшиеся изолированные группы персонала. Ямамото, как обстановка в медицинском отсеке?

— Справляемся, капитан, — ответил голос по связи, усталый, но твёрдый. — Раненых достаточно, но критических случаев, к счастью, немного. Персонал держится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.